

Существует ли глобальное общественное мнение?

Канчо Стойчев

Об авторе

Канчо Стойчев

Президент Международной ассоциации Гэллага
(Gallup International Association, GIA), Швейцария

Данный текст и другие материалы
можно найти на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2019

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Факт существования мирового общественного мнения далеко не очевиден, а вот то, что за господство над ним ведётся борьба, и борьба всё более ожесточённая, сомнений не вызывает. В этом нет ничего парадоксального. В истории человечества несуществующие вещи не раз вызывали и чудовищные трагедии, и массовые вспышки радости. Ибо так работает человеческая психика, в которой тончайшим образом переплетены иллюзорность и реальная действительность, а разница между обеими, по словам Марка Твена, как между русалкой и тюленем.

В классических работах по социологии общественное мнение обычно определяется как коллективное достояние и проявление коллективом представления о себе самом и своей роли в истории. Отдельные люди могут иметь более или менее правильное понимание этой *volonte generale* — «общей воли» — в соответствии с терминологией Жан-Жак Руссо. Если же их понимание чересчур отличалось, на них начинали смотреть как на глупцов, невежд, обманщиков, безумцев и, в худшем случае, преступников и врагов народа. Впрочем, Руссо считает, что у термина «общественное мнение» есть и другое значение — *volonte de tous* — «воля всех». В этом случае мнение есть атрибут отдельного лица, а не коллектива. Его можно ставить под сомнение, о нём можно спорить, его можно определять как мнение большинства или меньшинства (Марита Карбалло). Юрген Хабермас поясняет, что появление идеи общественного мнения стало результатом зарождения в XVIII веке, когда сложилось неустойчивое равновесие социальных и институциональных условий, новой движущей силы общества в лице городской буржуазии, вставшей между государством и обществом. В 1930-е и 1940-е гг. начала распространяться идея о том, что общественное мнение есть поддающаяся измерению величина, которая утвердилась вскоре в качестве символа демократической жизни.

Хотя метод опроса общественного мнения уходит корнями в XIX в., заслуга внедрения систематических опросов общественного мнения обычно приписывается доктору Джорджу Гэллапу. Первый опрос населения был проведён им в 1932 г. в штате Айова по поручению тёщи Олы Бэбкок Миллер.

В 1935 г. ему удалось предсказать победу Франклина Рузвельта на президентских выборах 1936 г., когда тот получил 60,8% голосов против 36,5% у его соперника республиканца Альфа Лэндона. Журналом *Literary Digest*, который спрогнозировал победу Лэндона над Рузвельтом, была использована нерепрезентативная выборка. Введённые Гэллапом принципы опросного метода изучения общественного мнения включали использование случайных выборок при опросе представителей определённых групп населения, использование стандартных закрытых вопросов, предполагающих односложный ответ («да» или «нет») и служащих для выявления настроений и демографических характеристик респондентов, проведение очных опросов подготовленными специалистами и количественный анализ результатов опросов. Чуть позже метод Джорджа Гэллапа получил распространение в Великобритании (1937 г.) и Франции (1938 г.). В 1947 г., вскоре после окончания Второй мировой войны, он стал основателем первой международной организации в данной области, зарегистрировав в Цюрихе (Швейцария) Международную ассоциацию Гэллапа (*Gallup International Association*).

Опрос общественного мнения есть дитя газетного мира: мир науки позже стал его «приёмным отцом». Любая газета имеет две опоры — журналистика и реклама. Соответственно, на тех же опорах стала развиваться и деятельность по проведению опросов общественного мнения (Ханс Зеттерберг). Доктор Гэллап был убеждён, что влияние, которое на правительства стран оказывают опросы общественного мнения, служит делу демократии лучше, нежели влияние организованных групп интересов.

Оппоненты часто обвиняли Гэллапа и тех, кто занимается подобными опросами, в том, что они оказывают влияние на официальных лиц, кандидатов на различные должности и участников избирательных кампаний в неблагоприятных целях. Уинстон Черчилль однажды отметил, что «нет ничего более опасного, чем жизнь в нездоровой атмосфере гэллаповских опросов общественного мнения: впечатление такое, будто вам беспрестанно измеряют температуру». И добавил: «Есть всего одна обязанность и одна безопасная линия поведения — постараться всегда быть правым». Со своей стороны, Гэллап утверждал в одной из шести написанных им книг (*The Sophisticated Poll Watcher's Guide*, 1972 г.), что «проведение опросов всего лишь инструмент выявления общественного мнения. Когда президент или иной руководитель принимает к сведению результаты опроса, он, в сущности, принимает к сведению мнения народа. Любое другое объяснение абсурдно». Наконец, он не изобрёл общественное мнение в 1935 г., когда в газетах появились результаты первого опроса. Люди думали о подобных явлениях и за тысячи лет до этого. В социальной философии, политологии и не только имеется

многовековая традиция размышлений на тему общественного мнения. Поэтому новый опросный метод эмпирических исследований является поистине выдающимся достижением (Пол Лазарсфельд).

Мы живём в мире, в котором на всех нас воздействуют глобальные тенденции. Общественное же мнение является, по-видимому, одним из ключевых элементов в процессе формирования наших демократий. Уолтер Липпман ещё в 1922 г. писал: «Представительное правление, будь то в так называемой сфере политики или в промышленности, не может осуществляться успешно, независимо от наличия выборного базиса, если нет независимой экспертной организации, которая растолкует лицам, принимающим решения, факты, скрытые от обычного взгляда». Липпман, в частности, имел в виду свободную прессу, являющуюся, по его мнению, основным средством выражения общественного мнения. Сегодня, более 80 лет спустя, эта мысль представляется как нельзя более актуальной.

Впервые в истории человечества можно с полным основанием утверждать, что глобальное общественное мнение, благодаря сплачивающему влиянию глобального новостного освещения и интернета, существует в объёме, достаточном для того, чтобы считаться самобытным явлением. Однако научные исследования должны продолжиться, чтобы наилучшим образом обеспечить репрезентацию мнений семи миллиардов обитателей планеты. Эту идею высказывал Дуг Миллер из GlobeScan¹, который также предупреждает: «Достоверный анализ глобального общественного мнения является важнейшей задачей для профессиональных исследователей. В то же время даже тем из нас, кто проводит такие международные исследования, необходимо признать, что из глобальных обзоров систематически выпадает значительное число стран, а также бедные и сверхбедные слои населения тех стран, которые этими обзорами охвачены».

Гораздо более сдержанно на тему о наднациональном существовании глобального общественного мнения высказывается Ричард Уайк из Pew Research Center: «Сравнение и противопоставление общественного мнения на национальном уровне будет по-прежнему иметь большое значение при обсуждении ключевых глобальных вопросов до тех пор, пока основополагающим элементом мировой политики остаётся национальное государство. Однако это не должно препятствовать исследователям, которые для выявления глобальных тенденций, сопоставления реалий в рамках регионов или выработки внерегиональных категорий, основанных на экономических,

¹ Консалтинговая компания, которая занимается исследованиями общественного мнения. — Прим. ред.

религиозных, культурных и иных факторах, хотели бы использовать кросс-национальные данные».

Воля народа является общим достоянием в рамках демократии. И, как заметил Джордж Гэллуп, «если демократия основывается на воле народа, то кому-то следует пойти и узнать, какова эта воля». Свободные социологические исследования и свободная публикация результатов опросов общественного мнения стали определяющей комплексной характеристикой демократического общества, выступая в качестве отличительного свойства демократии как общественной системы. Впрочем, как оценить качество демократии в той или иной стране? Факт заключается в том, что более двух третей населения мира живёт в условиях политической системы, которая не подавляет свободы исследования общественного мнения и публикации результатов таких исследований. Кроме того, около 90% граждан мира можно «исследовать» через телефонную, мобильную и интернет связь, которые широко доступны. Таким образом, власти не способны «заблокировать» исследования и оценку общественного мнения.

Охват аудиторий глобальными СМИ и растущая взаимосвязанность мира являются неременным условием, но для формирования глобального общественного мнения этого недостаточно. Необходимо, чтобы определённая проблема, вопрос или факт попали в поле зрения мировой общественности и имели глобальное значение. Но даже то, что некая проблема имеет глобальный масштаб, ещё не предопределяет существования глобального общественного мнения, в котором она отражается. Хотя общественное мнение состоит из субъективных взглядов, оно всегда является объективным явлением. Даже если в общественном мнении отражается несуществующая реальность, она всё равно представляет собой отдельную реальность, которая живёт своей собственной жизнью и оказывает влияние на общество.

Изучением общественного мнения на протяжении десятилетий считалось проведение одновременных опросов в как можно большем числе стран с использованием одинакового опросного листа. А между тем мир медленно, но верно превращался в нечто куда более сложное, нежели простой конгломерат наций. В век мгновенных глобальных коммуникаций новые региональные (не только в буквальном, географическом смысле) комплексы начинают формироваться вокруг почти любого значительного международного события. Рассмотрим в качестве примера происходящее в последнее время на Украине. Некоторые поспешили с выводом, что это, в сущности, начало новой холодной войны, новой тотальной конфронтации между Востоком и Западом. Но ничего подобного не произошло на уровне общественного

мнения: в восприятии жителей региона такое явление никак не отразилось. В самой же Европе случилось и вовсе нечто нетривиальное: один блок мнений сформировался в Польше и прибалтийских государствах, другой, совершенно иной, — на юге Европы и Балканах, и третий — во Франции и Германии. В зависимости от характера восприятия этой проблемы страны фактически образовали два — негеографических — региона, в один из которых входят Канада, Литва, Австралия, Великобритания, США и Польша, а в другой — Венесуэла, Китай, Венгрия, Сербия, Кипр и другие. Созерцание мира через призму национальных государств — а такой традиционный подход по-прежнему преобладает — приносит всё меньше пользы и всё больше вводит нас в заблуждение.

Причиной этого явления представляется главное противоречие нашего времени — противоречие между глобальным характером экономики и локальным характером политического управления. Преодоление этого противоречия будет медленным и трудным (и, как хочется верить, мирным) процессом. А дорога к глобализации политики будет неизбежно (как представляется) пролегать через регионализацию. Совокупность наций исчезнет, и вместо неё появится сложное равновесие между регионами. Регионы будут вести содержательный политический дискурс, крупные конфликты будут происходить опять же между регионами, союзы — как естественные, так и «навязанные» — также будут региональными. Политические процессы больше не поддаются пониманию, если не рассматривать их как явления региональные, если не научиться видеть происходящие в мире кровавые конфликты сквозь призму борьбы за консолидацию регионов или за лидерство внутри регионов. Вот почему представляется целесообразным подвергнуть сомнению существование глобального общественного мнения и сделать вывод о том, что мы являемся свидетелями появления подлинного общественного мнения на уровне регионов, при том что мнения, которые мы ошибочно называем «национальными», формируются под воздействием именно регионального общественного мнения.

Истинно глобальное общественное мнение проявляет себя лишь в редких случаях и часто такие проявления сопряжены с известным риском или заблуждениями, а то и влекут за собой тяжёлые последствия: «птичий» грипп, запрет на курение, терроризм, «проблема 2000 года» и другие. А вот региональное общественное мнение заявляет о себе каждый день и имеет крупные практические последствия. С высокой долей убеждённости можно заключить, что дорога к обретению человечеством единого самосознания лежит через регионализацию человеческого сознания и что задачей сознательного исследователя мирового общественного мнения является

правильная оценка и отражение самосознания регионов. Наибольшая трудность при этом состоит в том, что, в зависимости от каждого конкретного предмета исследования, очертания регионов размыты и подвержены изменениям в каждом конкретном случае.

Говорят, что в мире нет ничего более изменчивого, чем время и общественное мнение. И это верно, но только до тех пор, пока время и общественное мнение соотносятся с преходящими процессами. Однако если мы анализируем то, что Фернан Бродель называл «медленными процессами», мы увидим, что в сегодняшнем разрозненном мире общественное мнение играет центральную роль. Опросы общественного мнения сформировали ключевые механизмы демократических обществ («За какого кандидата в президенты я должен голосовать?») и рыночных экономик («Какой продукт мне следует купить?»). В необратимо глобализованном мире общественное мнение уверенно выходит за пределы государственных границ. Чтобы доказать это, не нужны какие-либо сложные исследовательские методы. Достаточно изучить эволюционирующий на наших глазах мир. Всем крупным конфликтам последних десятилетий предшествовала решительная борьба за привлечение на свою сторону мирового общественного мнения. И на той же почве эти конфликты разрешались.

Взяло ли общественное мнение на себя эту новую роль в тот момент, когда мир выходил из состояния холодной войны? Трудно сказать, так как ещё не прошло достаточно времени, чтобы осмыслить этот единственный в своём роде эпизод в истории человечества. Лет через сто ответ на этот вопрос будет знать каждый школьник. А пока нам придётся научиться понимать природу этого нового важного фактора нашей жизни – мнения людей всего мира. В этой связи можно отметить ряд практических наблюдений, которые могут стать каноническими для тех, кто проводит опросы общественного мнения²:

- Правление, основанное на постоянной покорности общественного мнения возможно. Но такое правление никогда не приводит ни к чему хорошему.
- Всегда старайтесь слышать голос общественного мнения, но никогда к нему не прислушивайтесь.
- На глупый вопрос не существует умного ответа.
- На любой заданный вопрос вы получите ответ. Но этот ответ не обязательно будет соответствовать поставленному вопросу.

² Все цитаты взяты из следующих источников: *“Voice of the People – What the World Thinks”* (2015) и *“Polling around the World: 70 years Gallup International Association”* (2017), под редакцией К. Стойчева, издательство GIA.

- Даже самая неразрешимая проблема в призме общественного мнения выглядит вполне разрешимой.
- Если при проведении опроса общественного мнения вы колеблетесь в выборе между тем, что подсказывает вам интуиция, и ответами респондентов, отдайте предпочтение ответам респондентов.
- Ни одному политику ещё не удавалось победить в борьбе с социологами, и это не потому, что социологи так сильны, а потому что с ними станет связываться только слабый политик.
- Говорят, что общественное мнение авторитарно, склонно к левачеству и консервативно. Возразить против этого нечего.
- При изучении общественного мнения сиюминутные факты ничего не значат. Тенденции – вот что важно!
- Прогрессивным общественное мнение становится тогда, когда с правительством «что-то не так». Вот почему, когда в обществе иссякает здравый смысл, то государством правит общественное мнение.

 [ValdaiClubRu](#)
 [ValdaiClubRu](#)
 t.me/valdaiclub
 [ValdaiClub](#)
 [valdaiclubcom](#)
valdai@valdaiclub.com